

УДК 349.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256

EDN: DMYQYK

Оригинальная научная статья

Критерии достойного социального обеспечения: теория, законодательство, правоприменительная практика

М. Ю. Федорова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Российская Федерация

✉ fmulawkc@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом конституционных новелл 2020 г. анализируются конституционные основы социального обеспечения, положения российского законодательства и практика их применения с целью определения понятия достойного социального обеспечения и формирования системы его критериев. Для достижения обозначенной цели применены системный, историко-правовой, формально-юридический методы. Отправной точкой для обоснования критериев достойного социального обеспечения выступает конституционный принцип социального государства, который интерпретируется в практике конституционного судопроизводства применительно к различным видам социальных предоставлений. Конституционное право на социальное обеспечение взаимосвязано с правом на охрану достоинства личности, поэтому достойным может считаться социальное обеспечение, предоставляющее человеку выплаты и услуги, которые не унижали бы его достоинства, позволяли сохранять здоровье и вести социально-активный образ жизни, а также гарантировали бы реализацию его права на социальные предоставления на условиях, предусмотренных законом, и в рамках эффективной правоприменительной процедуры. Для оценки социального обеспечения как достойного необходимы критерии, которые могут быть определены исходя из специфики права на социальное обеспечение и организационно-правового механизма его реализации. Объем и содержание субъективного права на социальное обеспечение отражают непосредственные критерии достойного социального обеспечения. Опосредованные критерии носят институционально-структурный характер и предполагают оценку эффективности национальной системы социального обеспечения с точки зрения степени полноты защиты от социальных рисков. Основным непосредственным критерием является социально приемлемый уровень социального обеспечения. В настоящее время для его обозначения в России применяется категория прожиточного минимума, которая обладает экономическим содержанием и отражает минимально допустимый уровень удовлетворения основных жизненных потребностей. Содержание данного экономического критерия в отношении ряда адресатов социального обеспечения дополняется правовыми характеристиками (например, в связи с наличием у них особых потребностей или особого правового статуса, а также спецификой формирования права на социальные выплаты в системе обязательного социального страхования). Достойное социальное обеспечение подчиняется также правовым критериям, которые подлежат учету, в частности, при решении вопроса о компенсации морального вреда по делам, вытекающим из социально-обеспечительных правоотношений (осуществление права гражданина на социальные выплаты и услуги на условиях и в порядке, предусмотренных законом).

Ключевые слова: социальное обеспечение; достоинство личности; прожиточный минимум; уровень и качество жизни; социальный риск

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федорова М. Ю. Критерии достойного социального обеспечения: теория, законодательство, правоприменительная практика // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 240–256. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256>. EDN: <https://elibrary.ru/dmyqyk>

Original scientific article

Criteria for Decent Social Security: Theory, Legislation, and Law Enforcement Practice

M. Yu. Fedorova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ fmulawkc@mail.ru

Abstract. This article examines the constitutional foundations of social security, relevant provisions of Russian legislation, and their practical application, taking into account the constitutional amendments of 2020. The objective is to define the concept of decent social security and to develop a system of criteria for its evaluation. The study employs a systematic, historical-legal, and formal-legal methodology. The starting point for establishing criteria is the constitutional principle of the welfare state, which has been interpreted by the Constitutional Court in connection with various forms of social benefits. The constitutional right to social security is closely intertwined with the right to human dignity. Accordingly, social security may be considered “decent” if it provides individuals with payments and services that uphold their dignity, help maintain their health, support a socially active lifestyle, and ensure the exercise of their right to benefits under legally established terms and through effective administrative procedures. To assess whether social security meets the threshold of decency, a system of criteria must be developed, grounded in the specific nature of the right to social security and the legal and organizational mechanisms of its implementation. The scope and content of the subjective right to social security form its direct (immediate) criteria. Indirect (structural and institutional) criteria assess the efficiency of the national social security system in terms of its comprehensiveness in mitigating social risks. The principal direct criterion is the socially acceptable level of social security. In Russia, this is currently expressed through the concept of the subsistence minimum, which has an economic dimension and reflects the lowest acceptable level of basic needs satisfaction. For certain categories of beneficiaries, the economic criterion is further supplemented by legal considerations – such as special needs, legal status, or the specific conditions for acquiring entitlements within the mandatory social insurance system. In addition, decent social security is subject to legal criteria, which play an important role in determining, for example, compensation for moral harm in disputes arising from social security relationships – particularly where citizens’ rights to receive benefits and services are exercised in accordance with the law and proper procedures.

Keywords: social security; human dignity; subsistence minimum; standard and quality of life; social risk

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Fedorova M. Yu. Criteria for Decent Social Security: Theory, Legislation, and Law Enforcement Practice. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):240-256. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-240-256>. EDN: <https://elibrary.ru/dmyqyk> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Право на социальное обеспечение включено в международный, наднациональные и национальные каталоги прав человека [1, с. 43]. Будучи причисленным к правам так называемого второго поколения, оно предполагает реализацию посредством установления в государстве системы соци-

ального обеспечения, которая предоставляла бы гражданам защиту от основных социальных рисков, признаваемых таковыми как на международно-правовом уровне, так и в национальном законодательстве. Параметры социального обеспечения должны быть определены таким образом, чтобы не обесценивались содержание и целевая

направленность данного права. В этой связи неслучайно в научной и учебной литературе по праву социального обеспечения выделяют принципы отрасли, отражающие уровень такого обеспечения (размер выплат, объем услуг). В. С. Андреев назвал этот принцип «социальное обеспечение в высоких размерах, соответствующих сложившемуся уровню удовлетворения потребностей граждан на данном этапе развития государства»¹. В. Ш. Шайхатдинов обозначил соответствующий принцип как зависимость уровня обеспечения от прожиточного минимума², М. В. Филиппова – как достаточность размеров обеспечения³.

Достижению этих целей способствуют стандарты социального обеспечения, которые получили закрепление, в частности, в актах Международной организации труда (далее – МОТ) [2]. Конвенция № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения» была ратифицирована Российской Федерацией⁴ с принятием обязательств в отношении разделов, посвященных медицинскому обслуживанию, обеспечению по материнству, болезни, инвалидности, старости, в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием, а также по случаю потери кормильца.

Наряду с международными стандартами система социального обеспечения каждого государства, ратифицировавшего соответствующие международные договоры, долж-

на располагать соотносимыми, а на каждом следующем этапе своего развития – более высокими национальными стандартами. Очевидно, в условиях последовательной конституционализации социальной защиты уместно говорить о формировании критериев достойного социального обеспечения, которые могли бы не только обогатить доктринальные представления об этом феномене, но и иметь прикладную ценность в сфере нормотворчества и правоприменения. Это позволило бы гарантировать преемственность в развитии российской системы социального обеспечения, в том числе с учетом достижений советского периода отечественной истории, а также наиболее полно ответить на запрос общества о критериях и параметрах достойного социального обеспечения, который отчетливо прослеживается в современной судебной практике, подтверждая тем самым актуальность исследуемой темы.

О нарушении своего права на достойное социальное обеспечение все чаще заявляют граждане как истцы (например, предъявляя требования о зачете в страховой или льготный стаж тех или иных периодов работы, о надлежащем определении размера пенсии, его индексации и перерасчете, а также об устранении процедурных препятствий к реализации своих социальных притязаний, в частности, о надлежащей организации работы комиссии по расследованию профессионального заболевания⁵). Такой

¹ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : [учеб. для вузов по спец. «Правоведение»]. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. лит., 1987. С. 68–71.

² Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения Российской Федерации : учеб. пособие. Екатеринбург, 1996. Вып. 1. С. 47.

³ Право социального обеспечения : учеб. для вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / [Е. Н. Доброхотова и др.] ; под ред. М. В. Филипповой. М. : Юристъ, 2006. С. 104.

⁴ О минимальных нормах социального обеспечения : Конвенция № 102 Международной организации труда заключена в г. Женеве 28 июня 1952 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102) : Федер. закон от 3 окт. 2018 г. № 349-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 41, ст. 6189.

⁵ См., напр.: *Определение Четвертого кассац. суда общ. юрисдикции от 22 дек. 2022 г. по делу № 88-32841/2022*; *Определение Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 7 дек. 2023 г. № 88-24973/2023*; *Определение Восьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 25 июля 2024 г. № 88-13675/2024*; *Определение Седьмого кассац. суда общ. юрисдикции от 16 сент. 2021 г. по делу № 88-13258/2021*; *Апелляционное определение Верхов. Суда Респ. Мордовия от 24 сент. 2013 г. по делу № 33-1958/2013*; и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

аргумент приводят прокуроры, заявляя требования социального характера в интересах граждан⁶. Наконец, в некоторых случаях вывод о нарушении права на достойное социальное обеспечение делают суды⁷. Весьма показательна в этом плане мотивировочная часть решения Ирбитского районного суда Свердловской области от 25 мая 2023 г. по делу № 2-579/2023⁸ по иску о праве на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии в связи с проживанием в сельской местности и длительной работой в сельском хозяйстве. Суд указал, что ответчик не разъяснил истцу право на получение выплаты, не проинформировал истца о необходимости написания заявления в связи с возникновением у истца соответствующего права и необходимости представления дополнительных документов, чем допустил нарушение его права на своевременное достойное социальное обеспечение по возрасту, гарантированное ст. 39 Конституции Российской Федерации.

Следовательно, не только граждане как субъекты права на социальное обеспечение, но и выступающие в защиту их интересов прокуроры, а также суды при разрешении соответствующих споров придерживаются весьма широкой трактовки понятия «достойное социальное обеспечение», включая в его содержание наряду с параметрами, влияющими на размер социальных выплат прямо (в частности, при его перерасчете или индексации) либо косвенно (при решении вопроса о зачете в страховой стаж тех или иных периодов работы, сопровождавшихся начислением страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и обусловленное этим увеличение индивидуального пенсионного коэффициента), также ряд иных критериев, например,

адекватность правоприменительной процедуры при установлении выплат.

Для ответа на вопрос об обоснованности выработанных судебной практикой подходов необходимо исследование категории «критерии достойного социального обеспечения» с применением системного, историко-правового, формально-юридического методов, а также с опорой на современные достижения юриспруденции и других областей научного знания, нормы Конституции Российской Федерации и социального законодательства.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОСТОЙНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В проанализированных выше судебных решениях ключевое значение в аргументации выводов о нарушении права на достойное социальное обеспечение придается конституционному принципу социального государства. Его содержание раскрывается в ст. 7 Конституции Российской Федерации через понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие». Возлагая на государство обязанность по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан, названная статья в ч. 2 закрепляет открытый перечень гарантий социальной защиты. В одном ряду здесь приведены различные элементы, начиная с охраны труда и здоровья людей и завершая отдельными видами социального обеспечения и социальной поддержки.

Взаимосвязь между конституционным требованием по созданию условий для достойной жизни и установлением социального обеспечения в некоторых случаях интерпретируется и гражданами, и судами именно как конституционное право

⁶ См., напр.: *Апелляционное* определение Суда Ямало-Ненец. авт. окр. от 13 сент. 2012 г. по делу № 33-2127/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., напр.: *Апелляционное* определение Верхов. Суда Чуваш. Респ. от 23 окт. 2017 г. по делу № 33-5316/2017 ; *Апелляционное* определение Владимир. обл. суда от 28 мая 2015 г. по делу № 33-1842/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ URL: https://irbitsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=66RS0028&srv_num=1&delo_id=1540005&case_type=0&judicial_uid=66RS0028-01-2023-000535-31 (дата обращения: 05.06.2025).

на достойное социальное обеспечение, несмотря на отсутствие указанной формулировки в тексте ст. 39 Конституции РФ, закрепляющей право на социальное обеспечение. Такой подход согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и основан на признании взаимосвязи и взаимозависимости всех конституционных прав, включая право на социальное обеспечение, которое может непосредственно обуславливать реализацию других прав (права на жизнь, достоинство личности, жилище, защиту семьи, материнства и детства и др.) и, в свою очередь, испытывать подобное влияние со стороны, к примеру, права на судебную защиту или права на пользование имуществом, которые могут выступать средством осуществления права на социальное обеспечение.

В рассматриваемом контексте, очевидно, нас в большей степени должна интересовать взаимосвязь права на социальное обеспечение с правом на охрану достоинства личности, поскольку достойным может считаться социальное обеспечение, предоставляющее человеку выплаты и услуги, которые не унижали бы его достоинства, позволяли сохранять здоровье и вести социально-активный образ жизни, а также гарантировали бы реализацию его права на социальные предоставления на условиях, предусмотренных законом, и в рамках эффективной правоприменительной процедуры.

В науке конституционного права категория «достоинство личности» содержательно рассматривается как ценностно-правовая, а с точки зрения инструментальной юриспруденции – как многогранная, обозначающая и субъективное право, и общеправовой принцип, и комплексный межотраслевой институт. При этом под-

черкивается, что данное понятие не имеет универсального определения, однако такая неопределенность оценивается положительно, поскольку дает возможность применения данной категории для разных правоотношений [3]. На то, что сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Конституции РФ, указывает и КС РФ⁹.

Конструкцию «достойное социальное обеспечение» также можно рассматривать как имплицитно присутствующую в конституционном тексте. Опираясь при этом следует как на ст.ст. 7, 21 и 39, так и на ст. 75¹ Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Помимо того, что в приведенной норме прямо упоминается защита достоинства граждан, в ней также указываются важные для системы социального обеспечения цели (устойчивый экономический рост, взаимное доверие государства и общества, повышение благосостояния людей), принципы (уважение человека труда, социальная солидарность), правовые средства (сбалансированность прав и обязанностей граждан) и механизмы (социальное партнерство).

Вместе с тем указанная юридическая конструкция в настоящее время скорее может расцениваться как теоретическая,

⁹ *Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)* : информация Конституц. Суда Рос. Федерации ; одобрено Решением Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 окт. 2021 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нежели нормативная, ибо в последнем случае она не только подлежала бы формализации в законе, но и должна была бы отвечать требованию правовой определенности, а само понятие достойного социального обеспечения – обладать объективными параметрами и критериями. Сложность заключается в том, что это понятие, как и другие однопорядковые (в частности, достойная жизнь), является оценочным [4] (причем такая оценка может быть как объективной, так и субъективной) и требует соответствующей конкретизации, которая может осуществляться в законодательстве, судебной практике и науке. При этом только нормативная конкретизация указанных понятий (применительно к социальному обеспечению, прежде всего, понятия достойной жизни) может оказывать непосредственное воздействие на общественные отношения.

Но в законодательстве понятие «достойное социальное обеспечение» не используется, а в судебной практике применяется с опорой на конституционный принцип социального государства. Кроме того, в некоторых случаях суды общей юрисдикции раскрывают его содержание на основе правовых позиций КС РФ, сформулированных применительно к тем или иным организационно-правовым формам социального обеспечения, а также отдельным видам социальных предоставлений. Это позволяет предположить, что возможны разные подходы к определению критериев достойного социального обеспечения в зависимости от их целевого предназначения, порядка формирования и реализации.

Возможные подходы к определению критериев достойного социального обеспечения

С учетом экономической и организационно-правовой специфики социального

обеспечения из числа возможных подходов к определению критериев достойного социального обеспечения можно выделить два основных. Оба они могут быть сформулированы на основании концепции социального риска, которая предполагает, что в системе социального обеспечения за счет публичных ресурсов компенсируются неблагоприятные последствия различных социальных рисков (болезни, старости, инвалидности, безработицы и др.) [5, с. 116–118]. Управомоченным субъектом в соответствующих правоотношениях выступает человек, подверженный влиянию различных социальных рисков, а обязанный субъект – государство – гарантирует ему защиту от таких рисков, в частности, посредством предоставления социальных выплат или оказания социальных услуг в системе социального обеспечения. В связи с этим для надлежащей реализации права граждан на социальное обеспечение должна эффективно функционировать система социального обеспечения. Иными словами, право на социальное обеспечение, его достойный объем и содержание – это цель указанной системы, а установление и функционирование последней представляют собой средства достижения данной цели. Исходя из этого могут быть выделены непосредственные и опосредованные критерии достойного социального обеспечения.

В первом случае речь идет о показателях, отражающих объем и содержание субъективного права на социальное обеспечение. Такие критерии, по существу, адресованы гражданину как субъекту названного права и предназначены прежде всего для достижения социально приемлемого, не унижающего его достоинства уровня социального обеспечения. Их можно рассматривать в качестве одного из элементов политики доходов, поскольку предоставление социального обеспечения на уровне, позволяющем удовлетворять основные жизненные потребности,

формирует потребительское поведение человека, соответствующее условиям рыночной экономики. В отдельных случаях такие критерии должны устанавливаться с учетом дифференциации правового регулирования социальной защиты исходя из особого правового статуса гражданина, особых потребностей, обусловленных состоянием здоровья, иждивенческой нагрузкой и иными социально значимыми обстоятельствами. Кроме того, достойное социальное обеспечение должно соответствовать критериям, отражающим соблюдение права гражданина на социальное обеспечение и эффективную процедуру его реализации.

Нормативное установление и практическое применение непосредственных критериев достойного социального обеспечения возможны лишь при наличии оптимальных опосредованных критериев, которые предполагают оценку эффективности национальной системы социального обеспечения и носят институционально-структурный характер. Они характеризуют систему социального обеспечения с точки зрения степени полноты защиты от социальных рисков. В данной системе должна обеспечиваться защита от всех видов социальных рисков, которые признаны государством (в том числе с опорой на международно-правовые стандарты, в первую очередь уже упоминавшуюся Конвенцию № 102 МОТ). Кроме того, такая защита должна быть многоуровневой и охватывать социальные выплаты, блага и услуги, устанавливаемые на уровне Российской Федерации и ее субъектов, муниципальных образований, а также дополняться корпоративными и индивидуально-договорными механизмами социальной защиты.

Система социального обеспечения должна гарантировать определенность и максимально возможную стабильность условий социального обеспечения, а также индивидуализацию защиты от социальных рисков (в частности, путем составления

индивидуальных программ реабилитации/абилитации инвалидов, оказания социальных услуг, заключения социальных контрактов и т. п.). Она должна располагать доступными и эффективными правоприменительными процедурами, в том числе предоставлять гражданину выбор наиболее удобного для него варианта обращения за предоставлением социального обеспечения (непосредственно в соответствующий орган, через портал государственных и муниципальных услуг и т. п.). Система социального обеспечения должна быть снабжена механизмом разрешения споров, который при необходимости был бы дополнен гарантиями судебной защиты нарушенных прав, включая компенсацию морального вреда.

Таким образом, опосредованные (институционально-структурные) критерии достойного социального обеспечения отражают более широкий подход к стандартам социального благополучия, проявляют себя в отдельных институтах и структурных элементах системы социального обеспечения, а также позволяют оценивать ее эффективность в целом.

Подчеркнем, что при всей своей значимости они являются вторичными в механизме реализации права граждан на социальное обеспечение, соответственно, более глубокое их исследование возможно лишь после того, как будут определены непосредственные критерии достойного социального обеспечения. В свою очередь, оценка содержания непосредственных критериев на каждом этапе развития системы социального обеспечения позволит выявлять ее дефекты и формулировать предложения по ее совершенствованию.

Основной непосредственный критерий достойного социального обеспечения

Е. Г. Азарова подчеркивает: «Какими бы ни были формы и виды социального обеспечения, установленные

законодателем, принципиальное значение имеет объем и (или) качество предоставляемых благ, возможность с их помощью вести достойное существование» [6, с. 86]. В качестве основного непосредственного критерия достойного социального обеспечения рассматривается его предоставление на определенном уровне, который может быть обозначен как социально приемлемый, то есть позволяющий осуществлять основные жизненные потребности человека.

В международных актах такой уровень жизни именуют достаточным или удовлетворительным¹⁰. Подобное расхождение в терминологии международных актов и национального законодательства [7, с. 14] можно объяснить соотношением указанных уровней правового регулирования, которое, как указывалось ранее, предполагает установление международных стандартов (в том числе в сфере социального обеспечения) как минимальных с возможностью их постепенного повышения во внутригосударственных правовых актах. При этом важно не только установить такого рода национальные социальные стандарты и обеспечить определенность их содержания посредством нормативной формализации, но и добиться их реального применения в национальной системе социального обеспечения.

Как показывает опыт многих стран, эта задача весьма сложна, но все-таки выполнима, в большинстве случаев путем многоэтапных процедур повышения уровня социальных выплат и увеличения объема социальных услуг сообразно установленным стандартам. Применительно к российской системе социального обеспечения можно сказать, что на данном этапе ее развития в качестве такого стандарта (с учетом определенных особенностей) применяется прожиточный минимум.

Между тем в названной системе он не носит конституционного характера, в отличие, к примеру, от сферы трудовых отношений, где данный стандарт установлен как конституционный. Государство гарантирует установление минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, тогда как сам МРОТ, в свою очередь, выступает важнейшей гарантией социальной защиты работающих граждан и стандартом реализации конституционного права на вознаграждение за труд (ч. 2 ст. 7, ч. 3 ст. 37 и ч. 5 ст. 75 Конституции РФ). Тем самым подчеркивается масштабное значение доходов от трудовой деятельности, которые, помимо сферы трудовых отношений, подлежат компенсации в системе социального обеспечения при наступлении социальных рисков (болезни, инвалидности, старости и т. п.) в порядке и на условиях, установленных законом. Повышение уровня оплаты труда, сопряженное с обеспечением своевременной и в полном объеме уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование, способно не только оптимизировать финансовую систему такого страхования, но и стать катализатором увеличения размеров социально-страховых выплат.

Заслуживает упоминания также наличие у нашей страны исторического опыта установления на конституционном уровне подобной гарантии для сферы социального обеспечения. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (в ред. Закона РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1), провозглашая право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае утраты трудоспособности, потери кормильца и в иных установленных законом

¹⁰ См., напр., ст. 10 Декларации социального прогресса и развития 1969 г., ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., п. 7 Декларации о правах инвалидов 1975 г., ст. 28 Конвенции о правах инвалидов 2006 г. и др. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс».)

случаях, предусматривала, что пенсии, пособия и другие виды социальной помощи должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума (ст. 56)¹¹.

Однако реализация данного конституционного предписания в тот период вряд ли была возможна с учетом последующих событий и преобразований, что, очевидно, послужило основанием для выбора более осторожного и взвешенного подхода российского конституционного законодателя к установлению такой гарантии. В Конституцию Российской Федерации аналогичная норма включена не была, что, с одной стороны, могло свидетельствовать о стремлении государства добиться исполнимости социальных обязательств, а с другой – не препятствовало установлению соответствующего стандарта в отраслевом законодательстве.

В частности, указанный стандарт применялся на первом этапе формирования российской пенсионной системы (в СССР пенсионная система была централизованной, союзные республики не располагали такими институтами). Сначала законодательство предусматривало, что минимальный размер пенсии по старости при общем трудовом стаже, равном требуемому для назначения полной пенсии, устанавливается на уровне прожиточного минимума, затем – на уровне МРОТ, а начиная с 1 января 1998 г. – не менее 80 % прожиточного минимума пенсионера (с учетом компенсационной выплаты). С 1 января 2001 г. прожиточный минимум перестал применяться в пенсионном обеспечении, а минимальный размер пенсии не мог быть ниже размера, установленного федеральным законом. После вступления в силу Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», а именно с 1 января 2002 г., был исключен из пенси-

онной системы и такой важный социальный норматив, как минимальный размер пенсии по старости.

В пенсионном законодательстве не осталось стандартов, которые, подобно прожиточному минимуму, имели бы формально зафиксированное социально-экономическое содержание. Стали применяться номинальные величины, определенные на основании ранее достигнутого минимального уровня пенсионного обеспечения. Так, сумма базовой и страховой части трудовой пенсии по старости не могла быть менее 660 руб. в месяц. Одновременно с этим изменилась структура трудовых пенсий и усложнился порядок определения их размера. В дальнейшем пенсионную систему ожидали более радикальные перемены, в том числе повышение пенсионного возраста, необходимость которого непосредственно связывалась с достижением цели повышения уровня пенсионного обеспечения, прежде всего неработающих пенсионеров.

Значительный вклад в формирование правового механизма реализации названной цели внес КС РФ, оценивший в Определении от 15 февраля 2005 г. № 17-О¹² отказ законодателя от использования прожиточного минимума в пенсионном обеспечении. Была констатирована необходимость применения таких стандартов жизнеобеспечения, которые позволяли бы гарантировать исполнение государством социальных обязательств перед гражданами на уровне, необходимом для удовлетворения основных жизненных потребностей. В качестве такого стандарта для определения меры социального вспомоществования нуждающимся, обеспечения им достойной жизни и свободного развития законодателем была избрана категория прожиточного минимума. Суд пришел к выводу, что показателями прожиточного минимума, обуславливая объем экономических обязательств

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 16, ст. 1479.

государства перед гражданином при установлении государственных пенсий и социальных пособий, должны рассматриваться как элемент нормативного содержания конституционного права на социальное обеспечение по возрасту, основу которого составляет пенсионное обеспечение, дополняемое различными мерами социальной поддержки.

В порядке реализации данного федерального законодателю поручения в процессе реформирования системы социального обеспечения установить регулирование, которое отвечало бы выработанным в названном Определении правовым позициям, был введен новый вид социального обеспечения. Он был адресован неработающим пенсионерам и получил наименование социальной доплаты к пенсии. Это название не в полной мере отражает его сущность, поскольку посредством установления такой доплаты до величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте РФ доводится не размер назначенной ему пенсии, а общая сумма его материального обеспечения, включающая также ежемесячную денежную выплату, дополнительное материальное или социальное обеспечение, а также иные меры социальной поддержки¹³.

Тем не менее введение социальной доплаты к пенсии стало существенным шагом на пути повышения уровня пенсионного обеспечения, а сформулированные КС РФ правовые позиции не только послужили ориентиром для законодателя, но и обогатили научные представления о содержании конституционного права на социальное обеспечение. Важный вывод касается также динамичного развития

системы социального обеспечения, когда каждый следующий этап этого процесса должен приводить не просто к оптимизации ее параметров (в частности, за счет усиления адресности социальных предоставлений), но и к увеличению размеров социальных выплат, в том числе за счет их индексации.

Динамика свойственна также и прожиточному минимуму как социальному стандарту. Если до 1 января 2021 г. он определялся ежеквартально на основании потребительской корзины и данных Федеральной службы государственной статистики о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации, об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам, то начиная с указанной даты предполагалось его установление Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на очередной год до 1 июля текущего года с исчислением в определенной пропорции с величиной медианного среднедушевого дохода за предыдущий год¹⁴. До 1 января 2024 г. действие новых правил было приостановлено, и в течение этого периода величина прожиточного минимума определялась федеральным законом о федеральном бюджете. На 2025 г. она была установлена Постановлением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 789¹⁵ в более высоких, по сравнению с показателями 2024 г.,

¹³ См. ст. 12¹ Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29, ст. 3699).

¹⁴ См. ст. 4 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 43, ст. 4904).

¹⁵ Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2025 год : Постановление Правительства Рос. Федерации от 12 июня 2024 г. № 789 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 26, ст. 3649.

размерах. Так, если в 2024 г. величина прожиточного минимума составляла в целом по РФ на душу населения 15 453 руб., для трудоспособного населения – 16 844 руб., пенсионеров – 13 290 руб., детей – 14 989 руб., то в 2025 г. ее размеры увеличились до 17 733 руб., 19 329 руб., 15 250 руб. и 17 201 руб. соответственно.

Специалистами были предварительно высказаны пессимистичные прогнозы относительно реального влияния приведенных новелл на повышение уровня пенсионного обеспечения [2]. Представляется, однако, что оценка таких изменений будет возможна лишь после появления и обобщения первых итогов их применения, тем более что Правительством РФ в рамках подготовки проекта федерального закона о федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. были разработаны предложения об изменении в 2026 г. механизма расчета прожиточного минимума, предполагающие его индексацию с уровнем официальной инфляции за предыдущий год¹⁶.

Характеризуя применение прожиточного минимума в качестве критерия достойного социального обеспечения, необходимо указать, что он используется не только при определении устанавливаемого в твердой сумме или минимального (с которым должен быть соотнесен результат соответствующих исчислений) размера социальных выплат, но и как показатель уровня дохода, дающего право на те или иные социальные предоставления. Подобные примеры, в частности, можно видеть в законодательстве о социальной защите семей с детьми¹⁷, соци-

альном обслуживании¹⁸, накопительной пенсии¹⁹ и др.

Независимо от той функциональной роли, которая отведена прожиточному минимуму в системе социального обеспечения применительно к отдельным видам социальных предоставлений, его можно рассматривать в качестве критерия достойного социального обеспечения сообразно условиям конкретного периода развития национальной системы социального обеспечения и имеющимся у государства финансовым возможностям. При этом сам названный социальный стандарт должен развиваться в направлении максимально полного учета в его содержании основных социально значимых потребностей граждан и достижения более высокого уровня их удовлетворения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ДОСТОЙНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Однако вопросами применения прожиточного минимума при определении права на социальные выплаты и услуги, а также условий их предоставления и размера пенсий и пособий не исчерпывается проблема уровня социального обеспечения, а значит, и перечень показателей достойного социального обеспечения.

Не менее важные аспекты данной проблемы были выявлены в практике КС РФ применительно к различным видам социальных выплат, предоставляемых отдельным категориям граждан в рамках разных организационно-правовых форм социального обеспечения. К примеру, социальное обеспечение, предоставляемое

¹⁶ В России планируют связать увеличение прожиточного минимума с показателями инфляции // Финансы Mail. 2024. URL: <https://finance.mail.ru/2024-10-02/v-rossii-planiruyut-svyazat-uvvelichenie-prozhitochnogominimuma-s-pokazatelyami-inflyacii-63044834/> (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁷ См. ст.ст. 4², 8–10 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1929).

¹⁸ См. ст. 31 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1), ст. 7007).

¹⁹ См. ст. 6 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1), ст. 6989).

в порядке обязательного социального страхования, должно соотноситься со страховыми взносами, уплаченными за застрахованное лицо в период осуществления им трудовой или иной приравненной к ней деятельности, в противном случае невозможно говорить о достойном социальном обеспечении как в силу того, что оно не компенсирует надлежащим образом застрахованный доход, так и по той причине, что тем самым нивелируется экономическая активность застрахованного лица и обесцениваются ее результаты. В частности, обозначенная правовая позиция применительно к максимальному размеру пособия по беременности и родам для женщин, подлежащих обязательному социальному страхованию соответствующего вида, была сформулирована в Постановлении КС РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П²⁰, а в дальнейшем учтена в действующем законодательстве²¹. Соблюдение указанного требования, вытекающего из существа социально-страховых отношений, должно рассматриваться как дополнительный критерий достойного социального обеспечения применительно к размерам социально-страховых выплат.

Такая же роль может быть отведена на учету особых потребностей отдельных категорий граждан, нуждающихся в социальной защите или обладающих особым статусом, например, ввиду осуществления отдельных видов деятельности, причинения вреда воздействием радиации, смертью кормильца и т. п. Так, пенсия по случаю потери кормильца – военнослужащего или сотрудника органов внутренних дел является элементом правового механизма возмещения вреда, причиненного смертью кормильца²². В связи с этим во избежание нарушений требований равенства, справедливости и соразмерности при назначении такой пенсии родителям двух (или более) военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, ее размер должен определяться с учетом указанных обстоятельств²³.

Одним из способов учета особых потребностей пенсионера или нетрудоспособных членов семьи, находящихся на его иждивении, является повышение размера фиксированной выплаты к страховой

²⁰ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 марта 2007 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 14, ст. 1742.

²¹ См. ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1), ст. 18). Также см.: *О единой предельной величине базы для исчисления страховых взносов с 1 января 2024 г.* : постановление Правительства Рос. Федерации от 10 нояб. 2023 г. № 1883 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 47, ст. 8401.

²² См. ст. 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831).

²³ См., напр.: *По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей»* в связи с жалобой гражданина В. Н. Карпекина : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 июля 2016 г. № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 31, ст. 5087 ; ст. 38 Закона Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (Ведомости Съезда нар. депутатов РФ и Верхов. Совета РФ. 1993. № 9, ст. 328).

пенсии по старости или инвалидности²⁴. Такое повышение устанавливается, среди прочего, родителю инвалида с детства, признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре). Родитель, сам будучи пенсионером, в таких ситуациях фактически продолжает осуществлять уход за своим достигшим совершеннолетия ребенком с инвалидностью и несет сопряженные с таким уходом значительные материальные затраты, которые могут не компенсироваться пенсией самого инвалида²⁵.

Подобные ситуации показывают значимость основного непосредственного критерия достойного социального обеспечения, который связан с уровнем социального обеспечения и должен позволять удовлетворять основные жизненные потребности получателя, а при наличии у него специфических социально значимых потребностей (например, связанных с инвалидностью или иными обстоятельствами) подлежит повышению. Одновременно приведенные примеры служат основанием для вывода о том, что достойное социальное обеспечение подчиняется также сугубо правовым критериям, которые могут быть определены через реализацию принципов равенства и справедливости, а также осуществление права гражданина на социальные выплаты и услуги на условиях и в порядке, предусмотренных законом.

Отступление от таких критериев может служить основанием для восстановления нарушенного права на социальное обеспечение, а также компенсации морального вреда, причиненного гражданину таким нарушением. Долгое время воз-

можность компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на социальное обеспечение, отрицалась со ссылкой на имущественный характер такого права и отсутствие в законодательстве норм, которые бы данную компенсацию предусматривали. Например, такой ориентир нижестоящим судам был дан в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии»²⁶.

Однако в судебной практике встречались примеры иного подхода, который демонстрировал в ряде случаев и ВС РФ, в частности, рассматривая дело по иску гражданки, ранее проживавшей в учреждении для детей-сирот, которой в этот период – в отступление от требований пенсионного законодательства – не выплачивалась социальная пенсия по случаю потери кормильца, что повлекло за собой нарушение ее личных неимущественных прав, причинение ей как лицу, оказавшемуся в тяжелой жизненной ситуации, физических и нравственных страданий [8].

Точка в дискуссии о возможности компенсации морального вреда по делам, возникающим из правоотношений по социальному обеспечению, была поставлена в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»²⁷. В нем, наряду с противоположением общего характера о том, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на такую возможность не лишает потерпевшего права на компенсацию морального вреда, причиненного

²⁴ См. ч. 3.1 ст. 17 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1), ст. 6965).

²⁵ См., напр.: *По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И. К. Дашковой* : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 апр. 2020 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 20, ст. 3224.

²⁶ *Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации*. 2013. № 2.

²⁷ Там же. 2023. № 2.

действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, были приведены примеры, иллюстрирующие право гражданина на компенсацию морального вреда, причиненного несоблюдением государственными органами нормативных предписаний при реализации права на получение мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий, осуществляемого в том числе в виде денежных выплат (пособий, субсидий, компенсаций и т. д.). Обязательным условием для удовлетворения исковых требований о компенсации морального вреда в таких случаях является то, что указанные нарушения лишают гражданина возможности сохранять жизненный уровень, необходимый для поддержания его жизнедеятельности и здоровья, обеспечения достоинства личности.

Судебная практика насыщена делами, в которых истцы заявляют подобные требования, а суды их удовлетворяют. При этом спектр нарушений права на социальное обеспечение, с которыми граждане связывают причинение им физических и нравственных страданий, весьма широк – от неверного исчисления различных видов стажа (в том числе выслуги лет) и определения размера пенсии до отказа или задержки в обеспечении инвалида техническими средствами реабилитации и лекарственными препаратами. В мотивировочных частях таких судебных актов воспроизводятся соответствующие положения Постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, которые интерпретируются применительно к конкретной жизненной ситуации с учетом правовой природы тех или иных социаль-

ных предоставлений, характера допущенных органами государственной власти или публичными агентами нарушений и их последствий для неимущественной сферы гражданина.

Так, в деле о признании незаконным отказа в назначении установленной в Алтайском крае ежегодной денежной выплаты для подготовки к школе детей из многодетных семей и компенсации морального вреда суды исходили из того, что данная выплата относится к числу мер социальной поддержки семей, имеющих детей, и направлена на обеспечение ребенка необходимыми товарами для его участия в общеобразовательном процессе и на обеспечение ребенка из многодетной семьи минимальным набором, необходимым для посещения общеобразовательного учреждения с целью получения гарантированного государством образования. Отказ в установлении данной выплаты, обусловленный регистрацией семьи по месту жительства в Республике Алтай, а не в Алтайском крае, где она фактически проживает, был признан произвольным. Поскольку тем самым уполномоченный орган лишил гражданина права на эти меры социальной поддержки, что не только привело к нарушению непосредственно его имущественных прав, но и повлекло нарушение личных неимущественных прав такого гражданина, в числе которых достоинство его личности, право на образование, в пользу истца был взыскан моральный вред в размере 5 000 руб.²⁸

Изменение подхода к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на социальное обеспечение, установление и апробация в судебной практике определенных правил такой компенсации, очевидно, может свидетельствовать об усложнении системы критериев достойного социального обеспечения. В ее структуре вместе

²⁸ *Определение* Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2024 г. № 88-11825/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с критериями, имеющими экономическое содержание и облеченными в правовую форму (применение минимальных социальных стандартов в виде прожиточного минимума), появляются критерии с более значительным «удельным весом» правового содержания, которые с известной долей условности можно называть экономико-правовыми (учет специфики организационно-правовых форм социального обеспечения, а также предусмотренных законом особых потребностей отдельных категорий населения), и собственно правовые критерии, отражающие эффективность процедуры установления и результат реализации права гражданина на социальное обеспечение.

Эта тенденция согласуется с развитием современных представлений о стандартах социального благополучия. Если ранее такие стандарты охватывались прежде всего категорией «уровень жизни», то в настоящее время все чаще применяется категория «качество жизни», в том числе с ее дифференциацией в зависимости от адресата (например, качество трудовой жизни, качество жизни пациентов с определенными видами заболеваний и т. п.). Названные категории являются смежными, но не тождественными. Уровень жизни представляет собой комплексный социально-экономический показатель, отражающий степень удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. При всем многообразии подходов к его оценке большинство исследователей единодушны в том, что его критерии могут быть объективированы и формализованы в различных документах.

Категория «качество жизни» оценивается учеными как более широкая по отношению к категории «уровень жизни» и имеет более многообразное применение. В ее содержание принято включать субъективный компонент – восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и в системе ценностей, в кото-

рых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами. В связи с этим качество жизни сложно поддается формализации [9], хотя отдельные его аспекты могут иметь объективную оценку.

Представляется, что правовые критерии достойного социального обеспечения должны рассматриваться в контексте качества жизни получателя социальных выплат и услуг либо претендента на такие виды социальных предоставлений. Соблюдение права гражданина на социальное обеспечение и эффективная процедура его реализации, сопровождающаяся комфортным взаимодействием с органами государства или публичными агентами либо обеспеченная применением современных информационных технологий, могут составлять самостоятельные правовые критерии достойного социального обеспечения. Отклонение от таких критериев выступает, как было показано ранее, в качестве основания для признания права гражданина нарушенным и компенсации причиненного ему тем самым морального вреда, причем с учетом его субъективных особенностей (состояния здоровья и наличия инвалидности, семейного статуса, продолжительности и характера трудовой деятельности и т. п.). Следовательно, компенсация физических и нравственных страданий, причиненных нарушением права на социальное обеспечение, способствует укоренению в национальном правовом порядке критериев достойного социального обеспечения, полной и своевременной реализации социальных обязательств государства в отношении конкретного гражданина, а в конечном счете повышению уровня доверия граждан к государству и эффективному функционированию системы социального обеспечения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация права на социальное обеспечение на основании конституционных принципов и норм предполагает

максимально четкое определение объема и содержания данного права, а также механизма его осуществления. В свою очередь, взаимосвязь права на социальное обеспечение с конституционным правом на охрану достоинства личности требует активизации усилий научного сообщества по выработке и обоснованию критериев достойного социального обеспечения с тем, чтобы впоследствии они получили нормативное закрепление и практическое применение. К настоящему моменту такие критерии лишь частично отражены в науке права социального обеспечения через указание на достойный уровень и объем социальных предоставлений. Более широкий подход к проблеме демонстрирует судебная практика, включая практику конституционного судопроизводства, в рамках которой выше-названный основной критерий, имеющий экономическое содержание, дополняется правовыми характеристиками, касающимися особенностей формирования и реализации исследуемого права в рамках различных организационно-правовых форм социального обеспечения, а также учета особых потребностей отдельных категорий

населения. В практике судов общей юрисдикции формируются сугубо правовые критерии достойного социального обеспечения, позволяющие оценить адекватность процедуры установления и результат реализации права гражданина на социальное обеспечение.

Перечисленные непосредственные критерии достойного социального обеспечения (основной и дополнительные) взаимодействуют с опосредованными критериями, отражающими степень эффективности национальной системы социального обеспечения с точки зрения полноты защиты граждан от социальных рисков и, соответственно, имеющими институционально-структурный характер.

Всё это свидетельствует о поэтапном формировании в Российской Федерации системы критериев достойного социального обеспечения с перспективой их применения в процессе совершенствования социального законодательства и практики его применения, а также способствует дальнейшему развитию научных представлений о феномене социального обеспечения и его правовом опосредовании.

Список литературы

1. Богданова Н. А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1. С. 41–57.
2. Мачульская Е. Е. Достойное социальное обеспечение как одна из стратегических целей Международной организации труда // Социальное и пенсионное право. 2021. № 1. С. 48–53. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2021-1-48-53>
3. Кротов В. В. Достоинство личности в фокусе современной доктрины и практики // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 2. С. 124–135. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.022>
4. Астаева М. Г. Оценочные понятия как часть понятийного аппарата права социального обеспечения и их влияние на эффективность норм законодательства о социальном обеспечении // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-1-16-22>
5. Истомина Е. А. Концепция социального риска и ее влияние на правовое регулирование социального обеспечения в современных условиях: монография. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 370 с.
6. Азарова Е. Г. Право граждан на справедливое социальное обеспечение // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 8. С. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.085>
7. Путило Н. В. Достойная жизнь и достаточный жизненный уровень: история политико-правовых воззрений и современная практика // Социальное и пенсионное право. 2022. № 2. С. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-2-12-17>
8. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 2-е изд., испр. и доп. М. : БЕК, 2000. 237 с.
9. Дмитриева Л. А. Идентичность и качество жизни в структуре психологической безопасности сотрудника Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 14. С. 23–26.

References

1. Bogdanova N. A. Modern Catalogue of Fundamental Human Rights: International and National Ways of Filling. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2010;1:41-57. (In Russ.)
2. Machulskaya E. E. Adequate Social Security as One of Strategic Aims of the International Labor Organization. *Social and Pension Law*. 2021;1:48-53. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2021-1-48-53> (In Russ.)
3. Krotov V. V. The Dignity of the Individual in the Focus of Modern Doctrine and Practice. *Journal of Russian Law*. 2023;27(2):124-135. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.022> (In Russ.)
4. Astaeva M. G. Evaluative Concepts as a Part of the Conceptual Framework of Social Security Law and Their Impact on the Efficiency of Legal Provisions on Social Security. *Social and Pension Law*. 2024;1:16-22. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2024-1-16-22> (In Russ.)
5. Istomina E. A. *The Concept of Social Risk and Its Influence on Legal Regulation of Social Security in Contemporary Conditions*. Yekaterinburg: Learning and Teaching Centre of the Ural Polytechnic Institute Publ.; 2019. 370 p. (In Russ.)
6. Azarova E. G. The Right of Citizens to Fair Social Security. *Journal of Russian Law*. 2022;26(8):77-92. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.085> (In Russ.)
7. Putilo N. V. Decent Life and Sufficient Life Quality: History of Political and Legal Ideas and the Modern Practice. *Social and Pension Law*. 2022;2:12-17. DOI: <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2022-2-12-17> (In Russ.)
8. Erdelevskii A. M. *Compensation for Moral Harm: Analysis and Commentary on Legislation and Judicial Practice*. 2nd ed. Moscow: BEK Publ.; 2000. 237 p. (In Russ.)
9. Dmitrieva L. A. Identity and Quality of Life in the Structure of Psychological Security of the Employee of the Investigatory Committee of the Russian Federation. *Russian Investigator*. 2014;14:23-26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Юрьевна Федорова, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, 620066, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3680-759X>; e-mail: fmulawkc@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Fedorova, Professor of the Department of Labor Law at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3680-759X>; e-mail: fmulawkc@mail.ru

Поступила | Received
07.02.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.03.2025

Принята к публикации | Accepted
04.03.2025